

**Самоорганизация трудовых коллективов
и психология российских рабочих в начале XX в.**

Экономическое и политическое движение российских рабочих в годы Первой российской революции (по сравнению с предшествующим периодом) приобрело не только невиданный ранее размах, но и такую беспрецедентную организованность, которую даже официальная советская историография не решилась приписать одному только руководству большевиков. Для объяснения этого явления использовался введенный еще В.И. Лениным тезис о «творчестве масс», до сих пор остающийся абстрактным понятием, не подкрепленным конкретно-историческими исследованиями. Тенденция противопоставлять рабочих российскому крестьянству, ясно выраженная партийной идеологией, заставляла историков уделять внимание именно тем чертам пролетариата, которые отличали его от крестьян, оставляя в тени то колоссальное влияние, которое село оказывало на психологию рабочих. Отдельные плодотворные попытки выйти за рамки официальной схемы, предпринимавшиеся, например, Ю.И. Кирьяновым, В.Ф. Шишкиным¹, не смогли изменить общей ситуации в историографии.

В докладе предпринята попытка установить влияние крестьянской общинной традиции на организационное творчество и на психологию российских рабочих. Не отрицая значительного воздействия интеллигенции на рабочих, мы сознательно акцентировали внимание на расхождении в их позициях, поскольку именно в этих случаях собственные оригинальные представления рабочих проявлялись наиболее ярко.

Крестьяне, за счет которых постоянно шло пополнение рядов фабрично-заводских рабочих, обладали многовековым опытом общинной самоорганизации. Русская община представляла собой не просто территориальное объединение сельских жителей, но была целостным социальным организмом со своей системой общественного самоуправления, организации трудового процесса, социальной защиты, нравственных ценностей, устойчивых норм поведения. Крестьянская община

являлась стабильной психологической общностью, она сознавала себя как институт целостный и самодостаточный, имеющий высший авторитет. Главным фактором при принятии общиной любого важного решения был обычай, а коллективное, родовое сознание доминировало над индивидуальным, личностным.

Основной ячейкой в системе социальных отношений общины являлась крестьянская семья, функции которой не сводились только к продолжению рода. Она представляла собой также и первичный производственный коллектив. Поэтому деревенская община была одновременно и союзом семей, и объединением хозяйств. В крестьянском хозяйстве соединение производителя со средствами производства осуществлялось наиболее естественным, органичным способом: крестьянин выступал одновременно и собственником, и тружеником, причем в одной трудящейся личности происходило соединение командной и исполнительской ролей, которые в индустриальном обществе соотносились с противостоящими общественными силами. В условиях сращенности собственности с трудом крестьянская семья – первичный трудовой коллектив – не могла не быть коллективным субъектом собственности, а субъект крестьянского хозяйства не мог не быть коллективной личностью².

Уходя из деревни в город, крестьянин, утрачивая привычные социальные связи, испытывал в новых, незнакомых ему условиях психологический дискомфорт и пытался найти для себя место в этих необычных обстоятельствах. Выходцы из деревни, уже не занимаясь крестьянским трудом, старались и в городе воспроизвести общинный уклад жизни, и иногда там, где они проживали в пределах городской территории достаточно компактной массой, им это удавалось. Однако в конце XIX в. такие примеры являлись скорее исключением, чем правилом³.

Незнакомая городская среда, отличная от деревенской, где существовали прочные родственные и соседские связи, заставляла выходцев из деревни держаться друг друга, искать поддержки у земляков. Часто они селились вместе, снимая квартиру артелью. П. Тимофеев, наблюдавший такое землячество в Петербурге в начале XX в., отмечал: «...Эта артель жила удивительно дружно. Ссор и драк в ней почти не было... Землячество связывало их в одну семью, и в жертву ему некоторые члены артели приносили очень многое. Так, одному из них приходилось ежедневно вставать в 3 часа ночи и из-за Нарвской заставы идти за Невскую, что, по приблизительному расчету, составит 10-12 верст в день туда и обратно. Другой работал на Выборгской стороне и тоже ежедневно совершал такое же путешествие».

Землячества стали основными каналами, через которые шло пополнение рядов рабочих выходцами из деревень. Направляясь в город,

крестьянин уже знал, что земляки помогут ему найти работу и поддержат первое время. Некоторые происходившие из крестьян рабочие, выбившиеся в начальники, иногда становились большими патриотами и принимали в свои мастерские только тех, кто приходился им земляками. «В Петербурге есть завод, – писал П. Тимофеев, имея в виду Балтийский завод, – где в целом отделе работают исключительно два уезда Тверской губернии – Старицкий и Новоторжский, откуда родом два “начальника”»⁴. Землячества помогали крестьянам адаптироваться в новой для них среде, но они уже не могли воспроизвести в городе привычный им уклад жизни.

Новой, гораздо более устойчивой общностью, нежели землячества, становились коллективы промышленных заведений. И именно там довольно рано начали проявляться элементы опыта общинной организации. В 1800 г. Сенат удовлетворил просьбу мастеровых Фряновской помещионной фабрики Богородского уезда, чтобы «за порядком на фабрике и за платежом им денег смотрели 6 человек, выбранных ими из своей среды». Владелица Красносельской бумажной фабрики близ Петербурга жаловалась министру внутренних дел на то, что «мастеровые отпали от всякого повиновения, составили между собой общество, которое ими управляет, отклоняя всякое над собой начальство»⁵. В 1870–1880-е гг. требование введения на предприятиях выборных от рабочих выдвигалось в ходе наиболее крупных стачек, таких как забастовка на Новой бумагопрядильне в Петербурге (1878 г.), на Никольской мануфактуре товарищества Морозова (1885 г.). В Петербурге в конце XIX в. некоторые заводоуправления по собственной инициативе, не смущаясь отсутствием законов, шли навстречу желаниям рабочих и «устраивали особый способ сношений с рабочими через посредство «депутатов» или старост, иногда избираемых рабочими из своей среды, иногда же назначаемых самим заводоуправлением из той же среды»⁶. Так выборные депутаты на Ижорском заводе существовали с середины 1890-х гг., а на заводах «Сименс и Гальске» – с момента основания фирмы (1854 г.)⁷.

Бурный рост российской промышленности в 1890-е гг. резко усилил приток выходцев из деревни в старые индустриальные центры. Так, в Петербурге удельный вес пришлых рабочих и прислуги, по данным переписи 1897 г., был самым высоким в России и составлял 80,3% к общему числу указанных категорий работников столицы. Подавляющее большинство поступавших на фабрики и заводы крестьян оставляли свои семьи на родине. Среди текстильщиков в 1897 г. только 8% в Петербурге проживали в своих семьях, среди металлистов – 10%⁸⁸. Отсутствие привычного семейного окружения еще более усугубляло тя-

жесть психологической ситуации, в которой оказывались выходцы из деревни, еще более привязывало их к фабрично-заводским коллективам. Однако характер взаимоотношений между участниками производственного процесса на промышленном предприятии, восходящий своими корнями к крепостной мануфактуре, коренным образом отличался от того, который был принят в крестьянском семейном трудовом коллективе.

П.Г. Смидович, революционер-подпольщик, участник группы «Рабочая мысль», работавший в 1890-е гг. на Невском механическом заводе в Петербурге, наблюдал, как под влиянием заводских порядков буквально на глазах менялось поведение молодых, пришедших из деревни рабочих. Ванька, мальчишка 14–15 лет из глухой деревушки Тверской губернии, был послан отцом в Петербург на заработки. Вот как описывает Смидович его внешность и манеры в момент начала работы на заводе: «Приехал он совсем маленьким мужичком, с самостоятельным голосом и самостоятельными манерами. Работал он сначала в моей группе: „Принеси, Ванька, то-то...“ – „Э, нешто за эфтим одним побежишь“. Или: „Ванька, сбегай поскорее и скажи, чтобы принесли сюда... Да поскорее... Ведь мы все ждать будем...“. Ванька еле двигается и, переваливаясь в огромных отцовских валенках, направляется к двери. „Ванька, что же ты?!“ – „Э, поспеешь, не бегом же бежать... Дело не уйдет... Ишь глотку-то разинул...“». Показная грубость и неспешные манеры, подражавшие поведению взрослого самостоятельного и степенного крестьянина вызывали смех у рабочих и озлобленность у мастеров.

Грубость и издевательства мастеров, угрозы штрафа, страх перед возможной потерей заработка, – все это буквально приковало Ваньку к метле, которой он не переставал махать в течение всего рабочего дня, и даже во сне, когда товарищи по квартире, желая позабавиться, кричали: «Ванька! А где же метла?!» – он издавал глухой стон и начинал махать руками. «Через месяц времени, – вспоминал Смидович, – я снова с ним встречаюсь, и пришлось мне его выругать. Ванька молчит. Это было так неожиданно, что я останавливаюсь и спрашиваю его, что же он не отвечает. «Что вы, господин старшой, нешто я не понимаю... Нешто я вам могу...» [...] Передо мной стоял уже не галчонок, разевающий рот, а «начало человека», который за вежливым обращением к вам сумеет, пожалуй, и критически к вам отнестись...»⁹.

Примечательно, что в этой резкой смене манеры поведения Смидович увидел не надлом личности, не смирение молодого рабочего, а только внешние реакции на грубость, подражание теперь уже не крестьянским повадкам, а манерам рабочих со стажем, которые и вежливым ответом могли высказать свое неприятие того обращения, которое

им навязывалось администрацией. Контраст между теми отношениями, которые бытовали в крестьянских семейных коллективах, и теми, которые выходцы из деревни встречали на фабрике, был настолько велик, настолько очевиден, что только полное бесправие заставляло их молча сносить грубость и унижения. В тех же случаях, когда рабочие решались на открытый конфликт, наряду с чисто экономическими они выставляли такие требования, в которых проявлялось их стремление изменить характер взаимоотношений с работодателем. Уже в 1890-е гг. весьма распространенными были требования вежливого обращения, увольнения представителей администрации, замеченных в грубости и издевательствах, обратного приема несправедливо, по мнению коллектива, рассчитанных товарищей¹⁰.

Стремление рабочих к самоорганизации пытался использовать С.В. Зубатов. По его инициативе в Москве, Минске и Одессе явочным порядком создавались заводские комитеты из выборных рабочих, которым отводилась функция посредников между коллективами и администрацией предприятий по вопросам оплаты и внутреннего распорядка под надзором агентов Охранного отделения. Создание условий для полуправильной деятельности выборного фабрично-заводского представительства дало такой толчок в развитии организованного рабочего движения в 1902–1903 гг., что вынудило правительство поспешно отказаться от зубатовского эксперимента. Зревший в недрах коллективов протест против порядков, царивших на предприятиях, благодаря заводским комитетам получил столь мощное организационное оформление, что тут же опрокинул все надежды на возможность взять рабочее движение под полицейский контроль¹¹.

Совещание о мерах к обеспечению на фабриках и заводах спокойствия при Министерстве финансов после изучения причин беспорядков на предприятиях Петербурга во время забастовок 1901 г. признало полезным предоставить рабочим выбирать из своей среды старост для ведения переговоров с администрацией или фабричной инспекцией. Такого же мнения придерживались и в Министерстве внутренних дел, причем представители последнего отмечали, что уже существующая практика введения заводских старост находится в противоречии с законом¹². Однако нормы принятого 10 июня 1903 г. закона о старостах были направлены не столько на легализацию заводских комитетов, сколько на ограничение функций выборных от рабочих передачей жалоб и ведением переговоров в случаях конфликтов. Не говоря уже о Достаточно высоком возрастном цензе для кандидатов в старосты (не менее 25 лет) и полной зависимости выборных от администрации, закон не позволял старостам действовать в режиме заводского коллегии-

ального представительного органа. Общие собрания коллектива не допускались, разрешались только по группам, а совещания старост – с разрешения и под контролем администрации. Закон о старостах распространялся только на частные, подчиненные фабричной инспекции предприятия¹³.

Закон о старостах не получил широкого применения. Тридцать шесть петербургских промышленников, в том числе председатель Петербургского общества заводчиков и фабрикантов С.П. Глезмер, решительно высказались против учреждения института старост¹⁴. В течение первого года после принятия закона старосты были введены только на 5 предприятиях Петербурга¹⁵. Не проявили никакого интереса к законодательному нововведению и рабочие. В своей борьбе за выборное представительство они более полагались не на закон, а на традиции и действовали «захватным» путем, настойчиво добиваясь от администрации признания прав своих депутатов.

Рабочие Путиловского завода 5 января 1905 г. в числе других предъявили администрации требования образовать постоянную комиссию выборных и гарантировать их неприкосновенность¹⁶. В ходе всеобщей январской стачки в Петербурге коллективы предприятий продемонстрировали свою способность моментально организоваться. «Чтобы дело было организовано, – вспоминал рабочий Екатеринбургской мануфактуры В.А. Лемешев, являвшийся членом Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. Петербурга, – Гапон предложил на каждом заводе и фабрике выбирать по цехам депутатов, которым в обязанность входило выявлять требования рабочих и предъявлять администрации. Те требования, которые администрация не могла удовлетворить, написали в петицию, которую должен Гапон нести к царю»¹⁷. Результатом такого обращения стал бурный рост гапоновского Собрания..., 6–8 января рабочие приходили в его отделы записываться целыми фабриками и заводами, а петицию от имени своих коллективов подписывали выборные делегаты¹⁸.

Т.А. Рубинчик, активная участница профессионального движения печатников, отмечала, что в стремлении рабочих сделать институт депутатов на предприятиях постоянно действующим не было ничего нового, за это они неустанно боролись в 1903–1904 гг. «Но огромным новшеством 1905 года были совместные выступления выборных разных фабрик и разных производств, объединяющихся между собой. Началось это систематически с момента борьбы за увольняемых с Путиловского завода 4 рабочих и поддержки их забастовкой со стороны соседних фабрик при общей поддержке гапоновских, так называемых «русских собраний...»¹⁹.

Когда весной 1905 г. на фабриках и заводах Петербурга повсеместно стали проходить выборы депутатов или старост, то этот процесс отражал не признание рабочими закона 1903 г., а совершенно иное явление. В условиях революционного подъема рабочие явочным порядком, отмечая ограничительные рамки закона о старостах, создавали органы заводского коллективного представительства – советы старост, комиссии депутатов или заводские комитеты. Толчком к их появлению послужили выборы рабочих представителей в Комиссию сенатора Н.В. Шидловского в феврале 1905 г., которые еще более укрепили в рабочей среде уверенность в своем праве иметь постоянное выборное фабрично-заводское представительство.

В ответ на растущую политическую направленность и организованность рабочего движения правительство попыталось расширить практику применения закона о старостах, распространив его и на казенные предприятия. Специально разработанные положения основывались в целом на законе 1903 г., однако имели и существенные отличия, продиктованные желанием ослабить недовольство рабочих его ограничительными статьями. Так, «Правила о старостах в портах и на заводах морского ведомства», которые рассылались на подведомственные заводы в мае 1905 г., предусматривали назначение старостам дополнительной 25% доплаты к основному заработку²⁰. Однако попытка реанимации закона 1903 г. встретила сопротивление рабочих крупных металлических заводов, где активнее всего действовали комитеты, составленные из выборщиков в Комиссию Шидловского.

Отказались избирать старост рабочие Александровского механического завода в Петербурге. На Невском заводе выборы с согласия директора прошли без всяких стеснительных ограничений закона о старостах²¹. Мастерские Ижорского завода в июне 1905 г. через своих выборных заявили начальнику, что они не желают введения на предприятии «Правил о старостах...». Их недовольство вызвали размеры дополнительного вознаграждения старостам, высокий возрастной ценз, право начальника не утверждать избранных кандидатов, что, «по мнению мастеровых, отнимает у них право выбора». Обязательное присутствие на их собраниях представителей администрации рабочие считали для себя «крайне стеснительным» и выражали опасение, что «лица, высказывающиеся против администрации, будут преследоваться последнею». Введение старост на Ижорском заводе пришлось отложить до лучших времен, сохранив при этом институт «бесплатных выборных», который существовал на предприятии более 10 лет²².

На Балтийском заводе проходившие 19 и 21 июля 1905 г. выборы старост также закончились безрезультатно: в медно-котельной мастерс-

кой они «не состоялись по нежеланию мастеровых и рабочих»²³, избранные же в других мастерских кандидаты тут же отказались исполнять обязанности старост. На общем собрании кандидатов в старосты 17 августа 33 человека объяснили свой отказ нежеланием «принимать на себя ответственность по этой должности в такое смутное для рабочих время», остальные выразили недовольство «определенными правилами 25% вознаграждением к цеховой плате»²⁴. Указанные рабочими причины, несомненно, не отражали полностью мотивов, которыми они руководствовались, принимая решение. Анализируя причины неудачи с выборами, начальник Балтийского завода К. Ратник главную из них увидел в том, что «нововведенные правила о старостах оказались устаревшими и никоим образом не удовлетворяющими». Не менее важно другое наблюдение начальника: рабочие выражали недовольство не столько размерами дополнительного вознаграждения старостам, как можно подумать, сколько дополнительной оплатой в принципе, которая ставила их в зависимое положение от администрации. «Но является большим вопросом, от кого именно должен получать староста оплату за свою должность? – отмечал в письме от 11 сентября 1905 г. К. Ратник. – Чтобы не становиться в фальшивое положение между рабочими и администрацией и быть самостоятельным для администрации представителем их групп, он должен получать оплату своего содержания от самих рабочих, а не от администрации и быть ею не сменяемым»²⁵.

Не состоялись и назначенные на 18 и 19 мая 1906 г. выборы старост на Балтийском заводе «в виду существующей среди мастеровых оппозиции против этих выборов»²⁶. Упорное сопротивление рабочих введению института старост вовсе не означало, что они не желали создания выборного заводского представительства. Институт выборных рабочих депутатов существовал на Балтийском заводе до принятия «Правил о старостах...» и сохранялся после неудачной попытки их применения. Так, согласно заводской «Книге-хронике», 16 февраля 1905 г. на предприятии состоялось «переизбрание депутатов и кандидатов в депутаты», 25 октября 1905 г. прошли «выборы делегатов и кандидатов к ним»²⁷. Дата первого «переизбрания» совпадает по времени с выборами в Комиссию Шидловского, а в октябре 1905 г. на заводах Петербурга проходили выборы в Совет рабочих депутатов. 18 июля 1906 г. вновь состоялось «переизбрание цеховых депутатов и кандидатов к ним». Только в последнем случае администрации, наконец, удалось провести переизбрание по «Правилам о старостах...», причем дополнительная оплата за исполнение обязанностей выборного была увеличена до 50% оклада²⁸.

Дружный бойкот, которым встретили рабочие петербургских казенных предприятий закон о старостах 1903 г., причем вполне самостоя-

тельно, без каких-либо призывов революционных партий, убедительно свидетельствует о том, что традиционно существовавшие на заводах выборные органы, представлявшие интересы мастеровых перед администрацией, были для них предпочтительнее, чем институт старост и противопоставлялись последнему. Очевидно, что неоформленные законодательно, но уже закрепленные традицией нормы взаимоотношений между рабочими и заводоуправлениями делали возможным существование более независимого и менее подконтрольного администрации рабочего представительства, чем это позволял закон 1903 г. Зафиксированные только обычаем, но не записанные, границы этой независимости были достаточно подвижны, зависели от способности конкретного коллектива отстаивать права своих избранников, также как и от той позиции, которую занимала конкретная администрация, от ее уступчивости или неприятия рабочих депутатов.

В 1905 г., когда всеобщее возбуждение охватило российских рабочих, коллективы предприятий не только с легкостью воспроизводили форму общинной организации, приспособив ее для своих чисто пролетарских целей, но и использовали институт выборных депутатов для координации своих действий в масштабах города. Так возникли Советы рабочих депутатов, массовой базой и опорой которых служили организованные трудовые коллективы во главе с заводскими комитетами. Казалось, что с наступлением реакции в начале 1906 г. полностью прекратят свое существование и выборные представительства рабочих на предприятиях. Однако этого не произошло, заводские комитеты оказались наиболее прочными звеньями в структуре Советов. Так, например, после разгрома полицией Петербургского Совета рабочих депутатов фабричные и заводские комитеты в январе–феврале 1906 г. послужили опорой Комиссии о безработных, которая занималась оказанием помощи локаутированным рабочим, а в марте–апреле послали своих делегатов в Петербургский Совет безработных²⁹. Мы не утверждаем, что заводские комитеты сохранились или возродились весной 1906 г. абсолютно на всех предприятиях, однако фактов достаточно для того, чтобы признать заводское представительство весьма распространенным явлением.

В «дни свобод» заводоуправления не осмеливались увольнять рабочих депутатов, с наступлением реакции они избавлялись от наиболее радикально настроенных и неудобных им представителей коллективов в ходе массовых расчетов, но, как правило, не посягали на сам институт выборных, хотя и старались установить над ним более жесткий контроль. Так, на Сестрорецком оружейном заводе накануне выборов старост 23 декабря 1905 г. были арестованы вожаки сестрорецких ра-

бочих, избравшиеся в Комиссию Шидловского и в Совет рабочих депутатов, поэтому новый состав выборных не мог не быть более умеренным. Однако вопреки закону 10 июня 1903 г. в течение всего 1906 г. старосты действовали как общезаводской коллегиальный орган, причем по инициативе Главного артиллерийского управления с 15 января 1906 г. на заводе ввели пост постоянного председателя заводского собрания старост, и, судя по сохранившимся протоколам, представители администрации на их заседаниях не присутствовали³⁰. На Невском заводе в Петербурге, благодаря либерализму директора И.И. Гиппиуса, в 1906 г. мало изменился и состав совета старост, и в нем по-прежнему преобладали радикально настроенные рабочие. По воспоминаниям С.П. Матвеева, в начале 1906 г. в заводской комитет входили 17 социал-демократов и 5 эсеров, а после перевыборов в июне того же года на 30-35 членов комитета приходилось, по подсчетам П.А. Гарви, 17-18 социал-демократов, 11 эсеров и 6 беспартийных³¹.

Те партийные активисты, которые ближе стояли к пролетарской массе, вынуждены были в повседневной работе обращаться к беспартийным заводским комитетам, поскольку без их участия не обходилось ни одно важное событие в жизни коллектива, будь то забастовка или митинг³². Партийные же комитеты революционных партий в 1905-1907 гг. явно недооценивали универсальный характер советской формы организации и лежащего в ее основе заводского представительства, которые одинаково хорошо были приспособлены для координации как политической, так и экономической борьбы. В Советах они видели исключительно орган подготовки и проведения вооруженного восстания и к заводским беспартийным комитетам обращались с целью мобилизации рабочих на политические выступления. Так произошло в Петербурге в июне-июле 1906 г., когда комитеты социал-демократов и эсеров пытались впервые использовать фабрично-заводское представительство для создания общегородской политической организации. Но несогласование действия и призывы партийных комитетов внесли в рабочую среду вместо консолидации хаос и сумятицу. На одном предприятии выборы депутатов проводились по несколько раз, и рабочие, привыкшие действовать всем коллективом, переставали понимать, куда и с какой целью их представители выдвигались³³.

Весьма показательное отношение рабочих к попыткам социал-демократической и либеральной интеллигенции перенести на российскую почву опыт западноевропейского профессионального движения. Рабочие охотно соглашались с производственным, а не узко цеховым строением профсоюзов. Однако непривычным для них оказалось индивидуальное членство, что сказывалось как в крайне нерегулярной уплате

членских взносов, так и в относительной малочисленности союзов, которые этого принципа строго придерживались. Так, Петербургский Союз рабочих по металлу, созданный весной 1906 г. по инициативе Центрального бюро профессиональных союзов, объединил в своих рядах не более 1/6 части металлистов города. Руководители Союза, создав общегородской и районные центры, даже не попытались под контроль заводские представительные организации или распространить на них свое влияние.

Ф. Булкин, участник профессионального движения петербургских металлистов, так описывал взаимоотношения Союза и беспартийных заводских комитетов: «Составлялись они (заводские комиссии - М.Н.) из делегатов отдельных мастерских и являлись посредниками в отношениях между рабочими и администрацией. Но функции их были шире. Они входили во все мелочи заводской повседневной жизни, следили за соблюдением со стороны администрации договоров, разрешали путем переговоров назревающие конфликты, следили за заказами, которые получал завод, за распределением работ, организовывали помощь безработным, высылаемым, арестованным и, наконец, становились во главе стачки, если конфликт на заводе нельзя было разрешить мирным путем. Такая роль заводских комиссий в экономической борьбе, подкрепляемая еще и тем, что комиссии не раз брали на себя и политические функции, естественно оттирала Союз на второй план. На крупных заводах комиссии пользовались большим влиянием и обладали богатой кассой; к ним только и обращались за помощью во время конфликтов... Комиссии почти совершенно игнорировали Союз и с ним не считались. Заводские комиссии не привлекали Союз к участию в разрешении конфликтов и даже с другими заводами вступали в сношения помимо него»³⁴.

Наиболее влиятельный в годы Первой российской революции среди профсоюзов страны Петербургский Союз рабочих печатного дела, в отличие от Союза металлистов, умело сочетал формальное индивидуальное членство с фактическим коллективным. Примерно из 18 тыс. петербургских печатников к лету 1906 г. в Союз записались 11 тыс., а регулярно платили взносы только 3–4 тыс. чел., которые и являлись формально членами профессионального общества. Однако в Совет уполномоченных, заменявший общие собрания, делегаты избирались не от членов Союза, а от печатных заведений и представляли интересы коллективов. Это позволяло правлению организации выступать от имени рабочих всей профессии, а все печатники, независимо от формального отношения к Союзу, ощущали себя его членами. Коллективы типографских заведений пошли дальше других профессий в укреплении

выборного представительства и при поддержке Союза весной 1906 г. начали вводить в типографиях рабочее самоуправление, которое они называли «автономией»³⁵. Союз печатников умело использовал традиционную тягу рабочих к коллективизму, он представлял собой организацию советского типа, ограниченную рамками одной профессии, и это позволило ему добиться значительных конкретных результатов в улучшении экономического положения рабочих своей профессии.

В 1905–1907 гг. рабочие коллективы наряду с чисто экономическими повсеместно выставляли такие требования, как неприкосновенность выборных, признание их прав в установлении внутреннего распорядка, на участие в выработке расценок, в решении вопросов увольнения и приема на работу. Коллективы наделяли заводские комитеты административными правами и стремились применять их не только в отношении отдельных рабочих, но и к представителям администрации, которых депутаты пытались штрафовать, а требования «добровольно», под угрозой вывоза на тачке уволиться, предъявлялись даже директорам и начальникам заводов. Известно достаточно много случаев, когда коллективам удавалось добиться введения рабочего самоуправления и контроля за действиями администрации. Такой порядок рабочие называли «рабочей конституцией» или «автономией» (у печатников).

В течение 1906 г. «автономия» была признана хозяевами большинства крупных типографий Петербурга, причем во многих из них автономные комиссии, состоявшие первоначально из представителей администрации и рабочих, вскоре превратились в чисто рабочие. В типографии «Энергия» правила внутреннего распорядка разрабатывались смешанной комиссией и утверждались общим собранием коллектива. Выборные могли получать вознаграждение за исполнение своих обязанностей только от рабочих, но не от хозяина. Владелец мог присутствовать на общем собрании только с разрешения рабочих. Все вопросы найма и увольнения, наказания за проступки решала совместная комиссия³⁶.

Характерной чертой самоуправляющихся коллективов печатников было их стремление не только отстаивать интересы своих членов перед владельцами, но и регулировать взаимоотношения между рабочими. Автономные комиссии Петербурга вели борьбу с такими широко распространенными в рабочей среде явлениями как пьянство, прогулы и сквернословие, «нетоварищеское отношение к женщине-работнице», широко применяя штрафы и увольнения и часто карая за проступки строже, чем администрация. Совет уполномоченных Союза рабочих печатного дела учредил суд чести для рассмотрения конфликтов между рабочими, и вскоре его авторитет стал настолько высок, что к нему

стали прибегать и представители администрации, желавшие оправдаться в глазах рабочих³⁷.

А.М. Панкратова полагала, что в своем стремлении отвоевать как можно больше прав у предпринимателей печатники, захватывая административные функции, перешли границы «подлинного рабочего самоуправления», а их автономные комиссии «послужили ферментом разложения и распада в рабочей среде». Рабочему представительству печатников Панкратова противопоставляла заводские комитеты металлистов, которые, по ее мнению, вели работу «по-революционному», сочетая экономическую борьбу с политической³⁸. На наш взгляд, такое противопоставление не правомерно. Не только печатники, но и металлисты, вообще все российские рабочие без различия профессий повсеместно проявляли склонность к вмешательству в управление трудовым процессом.

Эту черту психологии рабочих ясно осознали и власти, и предприниматели. Так, Орловский губернатор в требованиях коллектива Дятьковской хрустальной фабрики Брянского уезда в ноябре 1905 г. усмотрел «обманчивые надежды на то, что рабочие могут взять фабрику в свое управление и вести дела самостоятельно»³⁹. Начальник Балтийского завода К. Ратник высказывал опасение, что дальнейшее расширение прав заводских депутатов «без правильных рабочих организаций» сделает «хозяев промышленных учреждений покорными слугами своих рабочих и их старост» и приведет «к закрытию этих учреждений от неуживчивости двух хозяев в одном и том же деле»⁴⁰. Сознавая опасность дезорганизации производства из-за вмешательства в процесс управления рабочих, предприниматели активно сопротивлялись попыткам ввести рабочее самоуправление и уступали только под сильным нажимом. Поэтому добиться значительного расширения прав выборного представительства удавалось немногим коллективам.

Опасения владельцев промышленных заведений были не напрасны. В ряде случаев завоевавшие самоуправление коллективы оказывались неспособны поддерживать элементарный порядок, что вело к остановке производства. Так, петербургские катали (судовые грузчики) летом 1906 г., в результате победоносной стачки, добились устранения подрядчиков и взяли управление в свои руки. Результатом была полная дезорганизация. Пьянство, самовольная постановка на работу вне зависимости от производственной необходимости, вымогательство незаработанных денег, насилия над представителями предпринимателей, – все это парализовало разгрузку судов. Примечательно, что даже в этой ситуации хозяева видели выход не в усилении репрессий, а в том, «чтобы судовладельцам приходилось иметь дело не с отдельными рабо-

чими, а с организованным целым в виде учрежденного ими профессионального общества»⁴¹. Конечно, в данном временном и случайно составленном коллективе малоквалифицированных рабочих вряд ли могла проявиться способность рабочих к самоорганизации и самодисциплине. Совсем иначе обстояли дела в устойчивых, давно сложившихся коллективах обладавших высокой квалификацией фабрично-заводских рабочих.

Так, свою способность поддерживать трудовую дисциплину доказали самоуправляющиеся коллективы Петербургских печатников. У них также хватило дальновидности ограничить свои претензии на участие в управлении предприятиями теми пределами, которые позволяли предпринимателям вести свое дело. И в данном случае мы можем согласиться с утверждением А.М. Панкратовой о том, что автономные комиссии печатников объективно служили «в пользу капиталистов», укрепляя, а не дезорганизуя производство⁴². Аналогичная картина наблюдалась на общественных работах для безработных в Петербурге в 1906–1907 гг., в подготовке к открытию и руководстве которыми принимала участие рабочая организация – Совет безработных. В основу организации работ был положен принцип рабочего самоуправления, а администрацию представлял лишь технический надзор. И если в небольших коллективах, состав которых не отличался постоянством, а выполняемая работа оказывалась непривычной, для поддержания порядка часто требовалось вмешательство Совета безработных, то в мастерских на Гагаринском буяне, где условия труда мало отличались от заводских, комитет безработных депутатов вполне справлялся с этой задачей самостоятельно⁴³.

В начале XX в. традиции общинного самоуправления, преодолевая сопротивление властей и предпринимателей и часто встречая непонимание у революционной и либеральной интеллигенции, проявились в стремлении рабочих к самоорганизации в рамках трудовых коллективов, которое в 1905–1907 гг. приняло форму борьбы за рабочее самоуправление. Трудовой коллектив не просто выдвинул из своей среды вожяков-депутатов, которые отстаивали интересы его членов перед администрацией и представляли их в общегородских пролетарских организациях, но и сам сложился в новую устойчивую общность, которую сознание рабочих наделяло теми же правами, что и община в представлении крестьян: высшим авторитетом при решении любого вопроса в жизни коллектива, правом судить своих членов и выступать от их имени, не допускать или изгонять из своей среды неугодных большинству. Коллективная ответственность – круговая порука – признавала право каждого на свое рабочее место, обеспечивала материальную и мораль-

дую поддержку в случае увольнения или ареста «пострадавшего за общество».

Рабочий, как и крестьянин, оставался коллективной личностью, ощущал себя частью «рабочей семьи» и предпочитал коллективные формы участия в общегородских организациях индивидуальным. Трудовой коллектив не включал в свой состав представителей администрации, противостоял им как единое целое и видел в них основное препятствие в реализации своих прав. Характер отношения администрации к рабочим вызывал в «рабочей семье» не только протест, но и стремление вернуть утраченное человеческое достоинство, которое у крестьян было неразрывно связано с правом на участие в управлении трудовым процессом, с выполнением не только исполнительных, но и распорядительных функций. Вмешательство рабочих в управление производством объективно заключало в себе две противоположные тенденции – разрушительную (феномен каталей) и созидательную (феномен печатников). В общем негативное отношение российских предпринимателей к рабочему самоуправлению вызывало озлобленность у рабочих, способствовало преобладанию в рабочем движении первой, разрушительной тенденции.

Процессы индустриализации и урбанизации в России в конце XIX в. протекали очень динамично, и рабочие, вставшие к станкам промышленных предприятий на рубеже XIX–XX столетий, сохраняли в своем сознании традиционные общинные ценности. В ходе приспособления к новым жизненным обстоятельствам они не вытеснялись другими и не утрачивались, а трансформировались в рамках новой общности – трудового коллектива – и очень скоро проявились в той ярко выраженной антипредпринимательской, антибуржуазной направленности, которую рабочее движение продемонстрировало уже в годы Первой российской революции.

¹ Кирьянов Ю.И. Об облике рабочего класса России // Российский пролетариат: Облик, борьба, гегемония. М., 1970. С. 100-140; Шишкин В.Ф. Так складывалась революционная мораль (Исторический очерк). М., 1967.

² Лурье С.В. Как погибла русская община // Крестьянство и индустриальная цивилизация. М., 1993. С. 137; Гордон А.В. Тип хозяйствования – образ жизни - личность // Там же. С. 116-119; Громыко М.М. Семья и община в традиционной духовной культуре русских крестьян XVIII–XIX вв. // Русские: Семейный и общественный быт. М., 1989. С. 7–20.

³ Лурье С.В. Как погибла... С. 159–160.

⁴ Тимофеев П. Чем живет заводской рабочий. СПб., 1906. С. 11, 15–16.

⁵ Панкратова А. Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику. М., 1923. С. 35–36.

⁶ Материалы по вопросу об учреждении старост на фабриках и заводах. 14 марта 1903 г. // ЦГИА СПб., ф. 1304, оп. 1, д. 2387, л. 7 об.

⁷ Копия представления начальника Адмиралтейских Ижорских заводов от 26 июня 1905 г. // Там же, л. 253–253 об.; Показания А.Н. Расторгуева 12–18 февраля 1906 г. // 1905 год в Петербурге. Л., 1925. Вып.2: Совет рабочих депутатов: Сб. материалов, С. 180.

⁸ Крузе Э.Э. Положение рабочего класса России в 1900–1914 гг. Л., 1976. С. 142–143.

⁹ Смидович П.Г. Рабочие массы в 1890-х гг. Ч.IV. Петербург // Авангард: Воспоминания и документы питерских рабочих 1890-х гг. Л., 1990. С. 369–370.

¹⁰ Рабочее движение в России. 1895–февраль 1917 г.: Хроника. М., 1992. Вып. 1: 1895 год. С. 52, 54, 56, 58, 61, 62, 66, 69, 77, 78, 81, 82, 92–94, 96, 99; Там же. М., 1993. Вып. 2: 1896 год. С. 31–34, 38, 39, 40–42, 44–4, 59, 65–67, 71, 84, 85, 87, 88, 94, 96, 99, 102, 106, 107, 108, 110, 111, 145, 155, 160, 161, 170, 172, 173, 181, 186, 188, 192.

¹¹ Панкратова А. Фабзавкомы... С. 69–73.

¹² Материалы... л. 7 об.

¹³ Об учреждении старост в промышленных предприятиях. Высочайше утвержденное мнение Общего собрания Государственного совета. 10 июня 1903 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1903 год. Отд. 1. Второе полугодие. СПб., 1903. С. 1559–1560.

¹⁴ Кризис самодержавия в России. 1895–1917 гг. Л., 1984. С. 89–90.

¹⁵ Донесение старшего фабричного инспектора Петербургской губернии в Отдел промышленности Министерства финансов от 25 февраля 1904 г. // ЦГИА СПб., ф. 1229, оп. 1, д. 368, л. 13–13 об.

¹⁶ Шустер У.А. Петербургские рабочие в 1905–1907 гг. Л., 1976. С. 72.

¹⁷ Воспоминания В.А. Лемешева. 25 февраля 1935 г. // ЦГА СПб., ф. 9618, оп. 1, д. 26, л. 70.

¹⁸ Шустер У.А. Петербургские рабочие... С. 78–79.

¹⁹ Рубинчик Т.А. Петербургский Совет рабочих депутатов 1905 г. // ЦГА СПб., ф. 9618, оп. 1. д. 32, л. 101.

²⁰ Правила о старостах в портах и на заводах морского ведомства. Апрель 1905 г. // ЦГИА СПб., ф. 1304, оп. 1, д. 2387, л. 133.

²¹ Материалы об экономическом положении и профессиональной организации петербургских рабочих по металлу. СПб., 1909. С. 24.

²² Копия представления... л. 253 об.

²³ Сообщение о выборах старост на Балтийском заводе. 19 июля 1905 г. // ЦГИА СПб., ф. 1304, оп. 1, д. 2387, л. 202.

²⁴ Приказ начальника Балтийского завода от 25 августа 1905 г. // Там же, л. 263–263 об.

-
- ²⁵ Черновик письма начальника Балтийского завода в Счетный отдел Главного управления кораблестроения и снабжения от 11 сентября 1905 г. // Там же, л. 266-267.
- ²⁶ Донесение начальника Балтийского завода морскому министру от 19 мая 1906 г. // Там же, л. 283.
- ²⁷ Книга-хроника Балтийского завода // Там же, д. 678, л. 107, 110 об., 115.
- ²⁸ Приказы начальника Балтийского завода от 11 и 18 июля 1906 г. // Там же, д. 687, л. 48 об.-50, 53.
- ²⁹ Войтинский В.С. Петербургский Совет безработных: 1906–1907 гг. Нью-Йорк, 1969. С. 2-17.
- ³⁰ Копия приказа начальника Сестрорецкого оружейного завода от 28 декабря 1905 г. // ЦГИА СПб., ф. 1290, оп. 1, д. 659, л. 95–95 об.; Приказ начальника Сестрорецкого оружейного завода от 4 января 1906 г. // Там же, д. 672, л. 1 об.-3; Копии протоколов собраний старост Сестрорецкого оружейного завода №1–11 за 1906 г. // Там же, д. 48.
- ³¹ Воспоминания С.П. Матвеева // ЦГАИПД СПб., ф. 4000, оп. 5, д. 857, л. 26–27; Гарви П. Воспоминания: Петербург – 1906 г. Нью-Йорк, 1961. С. 49.
- ³² Невский В.И. Советы и вооруженные восстания в 1905 г. М., 1932. С. 12.
- ³³ Войтинский В.С. Петербургский Совет... С. 87.
- ³⁴ Материалы об экономическом положении... С. 54.
- ³⁵ История Ленинградского союза рабочих полиграфического производства. Л., 1925. Кн. 1: 1904-1907 гг. С. 146, 172–173, 225–226, 255, 282–283, 420.
- ³⁶ Там же. С. 273–275.
- ³⁷ Там же. С. 279-282.
- ³⁸ Панкратова А. Фабзавкомы... С. 114, 115, 118.
- ³⁹ Касимов А.С. Хроника рабочего движения в центрально-черноземном районе (1895-февраль 1917 г.). Пенза, 1993. С. 78.
- ⁴⁰ Черновик письма... Л. 266 об.-267.
- ⁴¹ Копия докладной записки петербургских судовладельцев. Ранее 2 апреля 1907 г. // РГИА, ф. 150, оп. 1, д. 656, л. 7–8 об.; Копия прошения судовладельцев городскому голове Н.А. Резцову. Ранее 2 апреля 1907 г. // Там же, л. –11 об.
- ⁴² Панкратова А. Фабзавкомы... С. 118.
- ⁴³ Войтинский В.С. Петербургский Совет... С. 181–185.